

Татьяна Иванько

Байкал. Книга 2

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-312.9
ББК 84(2)6
И18

Иванько Т. В.

Байкал. Книга 2 / Иванько Т. В. — Москва: ЛитРес: Самиздат, 2021. — 454 с.

ISBN 978-5-532-95286-7

Расцвело объединённое приморское царство при новом царе Могуле, впервые за многие сотни лет вновь приблизившись к прежнему величию. Однако Вечное Зло не дремлет, втягивая людей и предвечных в свою игру, разъедаая единство ложью и праздным недовольством, приводя к междоусобице. К тому же на Байкал надвигается нашествие дикого и беспощадного племени, ведомого предателем Байкала. Тем временем предвечные братья сходятся в борьбе за Аю, сотрясая землю и Великое Море, навлекая новые беды на Байкал. Но Ая оказывается в руках вражеского предводителя. Ничто не объединяет так как общий враг, и братья вступают в битву за свой Байкал, за царя и за любовь, отринув разногласия и ревность. Силы неравны, враги многочисленны и беспощадны, Байкал разобщен и ослаблен. Чего будет стоить победа? Спасут царство Могул или предвечные или всем суждена гибель?

ISBN 978-5-532-95286-7

© Иванько Т. В., текст, 2020
© Omiko Trading LTD., оформление, 2021

Содержание

Часть 8.	5
Глава 1. Сбывшиеся мечты	5
Глава 2. Встреча	17
Глава 3. Повелительница Той Стороны и её дары	31
Глава 4. Свой путь	47
Глава 5. Приход и уход...	58
Часть 9.	68
Глава 1. Соглашение	68
Глава 2. Прельщение	78
Глава 3. Побег	90
Глава 4. Сладость и горькие слёзы	99
Глава 5. Вьялица	110
Часть 10.	123
Глава 1. Орудие	123
Глава 2. Ослепление	132
Глава 3. Тьма и рассвет	147
Глава 4. Кипящий лёд	153
Глава 5. Зима	166
Часть 11.	182
Глава 1. Союзник	182
Глава 2. Потрясения	192
Глава 3. Ложь	203
Глава 4. Холодная весна	221
Глава 5. Чья ворожба	234
Часть 12.	243
Глава 1. Цели	243

Глава 2. Первый бой	256
Глава 3. Схватка	270
Глава 4. Рассвет после битвы...	279
Глава 5. Охота	289
Глава 6. Пепелище	299
Часть 13.	307
Глава 1. Беспокойная ночь	307
Глава 2. Разная смерть	316
Глава 3. Волнения и страх	325
Глава 4. Нежданная срeча	335
Глава 5. Царица	347
Глава 6. Повелитель	357
Часть 14.	371
Глава 1. Рассыпанный бисер	371
Глава 2. Кровь и златo	385
Глава 3. Небо и дно	397
Глава 4. Скалва	407
Глава 5. В поход	417
Глава 6. Чаша	430
Глава 7. Полна...	450

Часть 8.

Глава 1. Сбывшиеся мечты

Я сидел в саду, где так приятно проводить время летом, хотя в чертогах нашего дворца воздух и прохлада свободно гуляют под высокими сводами, камни не давят на сердце и голову, всё же здесь, среди деревьев, трав и цветов, под небом, купаясь в солнечных лучах, нежась в объятиях ветерков, овеваемый трелями и переговорами птиц, я всегда чувствовал себя вольготнее и лучше ещё и потому, что много лет меня преследует чувство, что за мной подсматривают даже стены, что в каждой щели, в каждой складке любой занавеси, под каждым ковром и покрывалом скрываются уши, из каждого угла следят ненасытные глаза.

С того памятного дня, вернее ночи, как я всё переменял в Авгалле, минуло двадцать лет. Прошедшей зимой. После того много, очень много переменялось не только в Авгалле, но и по всему приморью. Я по-прежнему был наследником, потому что отец мой был жив и даже вполне здоров. Но моя мать, царица Галея, умерла на другой год после той тревожной зимы, поздняя беременность унесла её. Я горевал даже больше, чем мог предположить. В детстве я боялся смерти матери, как не боялся ничего другого, но, взрослея, я перестал об этом думать и со временем вообще потерял все страхи. И вот, когда я забыл об этом думать, она внезапно покинула меня... Я винил отца в её смерти, впервые в жизни испытывая злость и чуточку не ненависть по отношению к нему. Кто, если не он виновен в этом? Но, спустя несколько дней, я укорял самого себя за ту злость. И вот почему: моя жена Арлана начала говорить об этом, повторяя мои мысли, а на деле подлые сплетни своих кумушек, коих расплодилось вокруг неё великое множество. Даже Калга примкнула теперь к их сонму. И мне стало стыдно, что я в своих мыслях и чувствах опустился так низко.

Калга родила мёртвого младенца мужеского пола, чем вызвала облегчение в моём сердце, как ни грешно мне это признавать, потому что, как ни заставлял себя, одновременно стыдась и испытывая отвращение, я не мог считать его своим, но и отвергнуть её сразу мне было совестно, хотя после насилия, произошедшего над ней, я отослал её не в силах больше не только касаться её, но даже видеть. И теперь она, моя бывшая наложница, что, впрочем, давно было забыто не только мной и самой Калгой, но даже Арланой, так давно уже Калга стала приживалкой при моей жене среди множества прочих. Они, все эти женщины, кого я и в лицо-то не различал, взялись едва ли не вслух осуждать царя Галтея, моего отца, обвиняя в том, что мать понесла и умерла от этого.

Услышав это, я взорвался.

– Не смей касаться имени царя в грязных речах своих, подлые сплетницы! – воскликнул я, воззрившись на них и надеясь испепелить взглядом. – Арлана, или заткни рты своим рабыням, или я прикажу казнить их всех разом, предварительно урезав языки!

Все, включая Арлану, побледнели, отшатнувшись, никто не смел воспринимать мои слова легко.

Вообще же, после исчезновения, а я думаю, и смерти Сила Ветровея, потому что я не могу поверить, что он где-то так хорошо спрятался, что никто во всём приморье не слышал о нём с той великой ночи, с того самого времени, с его смерти Арлана очень переменялась ко мне. И вообще переменялась. Ведь не только её отец пал жертвой в ту ночь, но и вся её семья, как и все вельможи и их семьи, потому что удержать толпу, почуявшую кровь после первых убийств, было нельзя. Так что моя жена, имея всё же ум и осторожность, вела теперь себя теперь образцово, ничем не вызывая моего гнева и даже мелкого недовольства. А потому зажили мы ладно, за прошедшие годы она родила мне ещё двенадцать детей, семеро умерли, но шесть здоровых отпрысков радовали моё отцовское сердце.

Отцом я был строгим, быть может, потому, что после Рады рождались только сыновья, и всю ласку и нежность, на которую был способен, я изливал на мою дочку, а может быть оттого, что понимал, что

одному из них когда-то придётся занять трон, а ей придётся выйти замуж, и будет ли с нею так же ласков её муж, никто мне пообещать не мог. Семнадцати лет я выдал её замуж за Астава, царя Парума, царства восточного берега Великого моря, Астав был сыном прежнего царя, ставшего моим хорошим приятелем во время моего странствия по берегам Байкала, когда я искал Аяю. Сам же Айхон семь лет как ушёл за Завесу, передав трон достойному наследнику. Нынешний царь, мой зять Астав, не мог, конечно, стать мне другом, как был его отец, но он унаследовал его разум и понимал, как важна дружба не царей, но разных краёв нашего приморья.

Всё изменилось, всё стало новым под ясным небом Байкала, ничто не оставалось прежним, кроме древних плит дворца и площади перед ним, и ещё... ещё Аяя...

Аяя... Она так и осталась в моём сердце самым большим и самым живым, что там вообще было за всю мою жизнь. И даже то, что она умерла или покинула меня, предав, чему так и не было и теперь не могло быть подтверждений, так ничего не изменило во мне. Время оказалось не властно над тем, чем и кем она была для меня. Я ничего уже не помнил из тех давних событий, потому что насильно заставил себя не вспоминать, я зашил все воспоминания в мешок и зарыл в самом тёмном, самом дальнем углу моей памяти, потому что иначе я не смог бы ни дышать, ни жить, ни смотреть на мир, всё застила она. Потому теперь при мне было только одно, только то, что она вообще была. Потому что с этим ничего нельзя было сделать, только это ещё оставалось живо во мне: Аяя и каким был я в то время. Я больше никогда не был таким. И не чувствовал ничего подобного больше никогда.

Спокойствие, уважение и доброе отношение Арланы ко мне вернуло меня в её объятия, я не искал больше отдушин в объятиях других женщин, сохраняя телесную верность все эти годы, потому что сердце моё не было теперь отдано никому, оно было похоронено в том же неизвестном месте, где и Аяя. При этом я вполне счастливо жил эти годы. Мои дела радовали меня, принося плоды каждый год, каждый день.

Авгалл стал самым сильным, прирастающим людьми царством на берегах Великого Моря. Веси разносятся быстро, словно их носит ветер, из уст в уста, из уст в уста и вельми быстро наши соседи приняли у себя то, что я отвоевал некогда ценой большой крови и потрясения для столицы и всего царства. В остальных царствах подобные Ветровею, Щуке, Чёрному Лису вельможи сами явились к царям с нижайшими челобитными: принять в казны большую часть их богатств. Участь наших князей, растоптанных чернью в одиночестве, отучило прочих от алчности и забывчивой наглости.

А ещё спустя несколько лет всё приморье решило объединиться. И теперь я уже десятый год был царём над царями, оставаясь наследником Авгалла, я стал царём царей Байкала – Могулом. Вот так сбылись мои мечты, которые казались такими дерзкими когда-то и моему отцу и всем, кто слышал их. Только один человек, кто изначально поддерживал меня во всём и до мелочей мог понять моё торжество, не был теперь со мной рядом...

Но теперь помимо царей, над которыми был я, включая моего отца, у меня были мои прежние верные соратники – Загиб и Зоркий. Никакими вельможами они не стали, ни злата, кроме того, что Загиб умело зарабатывал, будучи старостой кузнецов, они не стяжали. Совет, созданный в ту самую всё переменившую ночь, и все принятые тогда законы и правила только укрепились за прошедшие годы, став непреложными, и распространились постепенно на всё приморье. Так что мы теперь жили единым союзным царством, с едиными законами.

Я не пытался бороться с отличиями в разнообразных привычках наших царств, объявив равными и не имеющими решающего и разделяющего значения разницу в обычаях вышивать платья, или готовить кушанья. В моём ежегодном расписании было обязательное посещение всех городов приморья, не только столиц и царей, но и всех прочих, и встречи с их старостами. Я не доверял этого никому, всюду ездил сам, выслушивая старост городов и деревень, нарочно для этого приезжавших в города. Я создал то царство, о каком мыслил ещё в детстве и мог теперь быть вполне счастливым. Я и был счастлив.

И сейчас, наблюдая за тем, как играют в саду мои младшие сыновья и мой внук, которого родила три года назад Рада и привезла в это лето в Авгалл погостить, я думал об этом, что моё будущее определено и прекрасно. Все эти годы в приморье царила великолепная погода, урожаи радовали, людей прибывало, выросли новые города и сёла, расцвела торговля не только между частями единого царства, но и из дальних стран к нам ехали и плыли по рекам, привозили свои товары, диковинные фрукты и специи, ткани, покупали наши, особенно ценили золото, драгоценности, вышитые одежды и льны. А ещё рыбу, тюленину, меха и ворвань. А кроме всего этого наезжали оружейники, по-новому умеющие варить металл из разных руд и делать особенно острые и прочные клинки, строители со своими секретами их изумляющего мастерства...

Я не мог не гордиться собой и своими свершениями, и сейчас под сенью большой раскидистой груши, где устроены были стол и скамьи, со мной вместе был Зоркий, он рассказывал мне, что услышал от купцов из дальних стран: далеко на полдень растёт большое племя, многочисленное, но до нищеты бедное и вовсе не образованное, и земли там скудны, потому люди, кочевники, перебивающиеся временами ловитвами, дики и озлоблены, а правители их алчны и лживы. Малая толика жителей богачи, остальные бесправные и безропотные рабы. И мне подумалось вдруг: появись там сильный правитель, что пообещает своему обездоленному народу лучшей жизни, что, если пойдут они на север к нам... от этой мысли по моей спине прошёл холодный ветерок, несмотря на зной, от которого едва спасала щедрая тень...

Я внимательно слушал Зоркого, поддавшись и течению своих мыслей.

— Как думаешь, Зоркий, правда то, али вотще энто бають? — спросил я, не поднимая глаз на моего приближённого друга, желая вслушаться в голос и по его звучанию понять, что он действительно думает. Притом, что Зоркий мною никогда не был пойман на лжи, я продолжал, своей навеки уязвлённой душой, до конца не доверяя никому.

Зоркий вздохнул, поглядел умными чёрными глазами на моё лицо, повернутое к нему в профиль, а я чувствовал взгляды и читал их, даже не глядя, и ответил после промедления:

– Дак-ить... как и думать, Великий Могул, ежели никто не бывал там, ничего не видал такового. Может правда, а может изветы лишние. Досужие измышления и молва... С людей станется, как известно... – он вздохнул, размышляя, как бы молвить дальше, чтобы я до конца понял его мысль. – Но те полудикие, что опасного в тех, кто не разумеет ни грамоты, ни кузнечного дела? Даже и пойдёшь они куда, так то лишь толпа дикарей, как скот, что они могут супротив нас?

– Что смогут супротив нас-то? Что может сделать стадо быков с садом, али засеянным полем... – проговорил я. – Не останется ничего, ежели пробежится...

Я налил нам с ним душистого свежесваренного липового мёда в золотые кубки. Котломы, ладки на златых чашах, посверкивающих в солнечных зайчиках, проникающих сквозь густую листву сюда, лучики играли весело почти как мои дети в десяти шагах от нас.

– Стало быть, послать надо людей туда толковых и верных, – сказал я. – Оценить, понять надоть, чего опасаться, как оборону вестъ. А может они и вовсе мирные люди, так торговлю наладить. Нельзя вслепую жить, неверно энто. Много имеешь, обороняй хорошо, а чтобы оборонять, понимать надоть, что в пределах и сопределье делается...

– Так конешно, именно это и следует сделать в ближайшее время. Нехорошо будет, ежели внезапно нагрянут враги какие, – с облегчением произнёс Зоркий, ох и неохота ему размышлять о каких-то диких полуденных людях.

Я выпрямил спину:

– Откуда и взялись они, никогда не было никого на много тысяч вёрст вокруг, а, Зоркий? – спросил я, заметив, что он смотрит на лужайку, где бегают малыши, а рядом сидят мамки и среди них Рада, улыбающаяся, ясная, сама, как это солнце, что играет лучами с её украшениями, белокурыми волосами. Славная, очень красивая выросла моя дочь, взяв от меня и от матери лучшее, и нравом была тиха и мила, Астав был счастливым супругом, как мы с Арланой